

Й. Шнеевайсс

*Гёттингенский университет им. Георга Августа,
Гёттинген*

**КУЛЬТУРНАЯ ОБСТАНОВКА
НА РУБЕЖЕ II–I ТЫС. ДО Н.Э.
В ЗАПАДНОСИБИРСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ
НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА КЕРАМИЧЕСКОГО
КОМПЛЕКСА ПАМЯТНИКА ЧИЧА-1**

1) Введение

Памятник Чича-1 располагается в Барабинской лесостепи Здвинского района Новосибирской области. Объект исследования представляет собой укрепленное городище расположенное на краю четко выраженной территории, образующей берег озера Малая Чича, одновременно находящейся на восточном краю обширной озерной системы Чаны. Место для поселения было выбрано на самом высоком берегу, так как в обоих направлениях местность полого понижается параллельно береговой линии. Общий рельеф местности – плоский. Таким образом, Чича-1 находится в идеальном месте для поселения, защищенном от наводнения, но расположенном непосредственно у воды, с выходом к богатой обширными пастбищами низменности.

В рамках международного исследовательского проекта здесь, в течение четырех полевых сезонов производились обширные археологические раскопки позволившие провести всестороннее изучение памятника. Раскопки городища Чича-1 были первым совместным проектом такого рода со стороны ИАЭ СО РАН (Новосибирск, руководство: В.И. Молодин) и отдела Евразии Германского археологического института (Берлин, руководство: Г. Парцингер). Заселение городища началось в эпоху поздней бронзы, а своих максимальных размеров достигло во время переходного периода к раннему железному веку. Позднее, после продолжительного перерыва, на этом месте возникло небольшое поселение раннего железного века.

Предметом настоящего исследования является анализ керамического комплекса городища Чича-1 в его хронологическом и типологическом аспектах, а также определение его места в существующей системе археологических культур Западной Сибири. Стратиграфический анализ и широкомасштабные раскопки поселений, а также достоверные радиоуглеродные данные абсолютной хронологии, до сих пор являются исключением. В статье будет представлен анализ хронологических, стратиграфических и типологических аспектов полученного при раскопках керамического материала, который был сделан автором в качестве его диссертации (Schneeweiß, 2007). Основными материалами исследования являются находки керамики эпохи поздней бронзы и переход-

ного периода, в то время как материал раннего железного века рассматривается лишь второстепенно. Это обусловлено тем, что его слои сильно смещены, а находки составляют лишь малую часть общего керамического комплекса.

2) Историографический обзор изучения памятника

Объекты Чича-1, Чича-1А и Чича-2 были открыты в 1975 году В. Захом. Впервые датировка переходным временем от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку была сделана после раскопок, проведенных В.И. Молодиным внутри городища в 1979 (Парцингер Г. и др., 1999, с. 487) и 1980 гг. (Молодин В.И. и др., 2000б, с. 146). Часть материала была опубликована в 1985 г. (Молодин В.И., 1985, с. 163–171; см. также Софеев О.В., Колонцов С.В., 1987, с. 111–113). Публикация о раскопках одной полуземлянки появилась на 15 лет позже (Парцингер Г. и др., 1999, с. 487).

В 1999 г. начались совместные работы ИАЭ СО РАН и отделения Евразии Германского археологического института геофизической разведки местности. В итоге был получен план укрепленного поселения, напоминающего в планировке город и занимающего площадь почти 5 га (рис. 1). Об этом уже неоднократно сообщалось (Becker H., Fassbinder J., 1999, с. 168–172; Молодин В.И. и др., 1999, с. 454–461). Объект перестал разделяться на Чича-1, 1А и 2, и получил общее название Чича-1. Измерения на общей площади около 18,4 га провели Н. Becker и J. Fassbinder из Баварской службы по охране памятников культуры (г. Мюнхен). Результаты геофизической разведки в значительной мере повлияли на ход всего научного проекта: от выбора мест проведения раскопок до интерпретации полученных материалов. Распашка земли привела к нивелированию общего рельефа и подрезке верхних слоев. Таким образом, на распаханной площади сохранились лишь значительно углубленные археологические структуры. Подобная исходная ситуация привела к однозначному результату магнитометрических измерений. Несколько иная ситуация в цитадели объясняется тем, что только здесь залегают следы трех периодов существования поселения. Эти следы пересекаются и перекрывают друг друга.

3) Результаты раскопок

В течение четырех лет (2000–2003 гг.) была раскопана площадь общей численностью 3500 кв. м (рис. 1). Для более детального ознакомления с материалами исследования следует обратиться к уже опубликованным (Молодин В.И. и др., 2000а; Молодин В.И. и др., 2001а; Молодин В.И. и др., 2001б; Molodin V.I. и др., 2001; Molodin V.I. и др., 2002; Молодин В.И. и др., 2003; Молодин В.И. и др., 2004; Privat и др., 2005; Schneeweiß, 2007) или еще

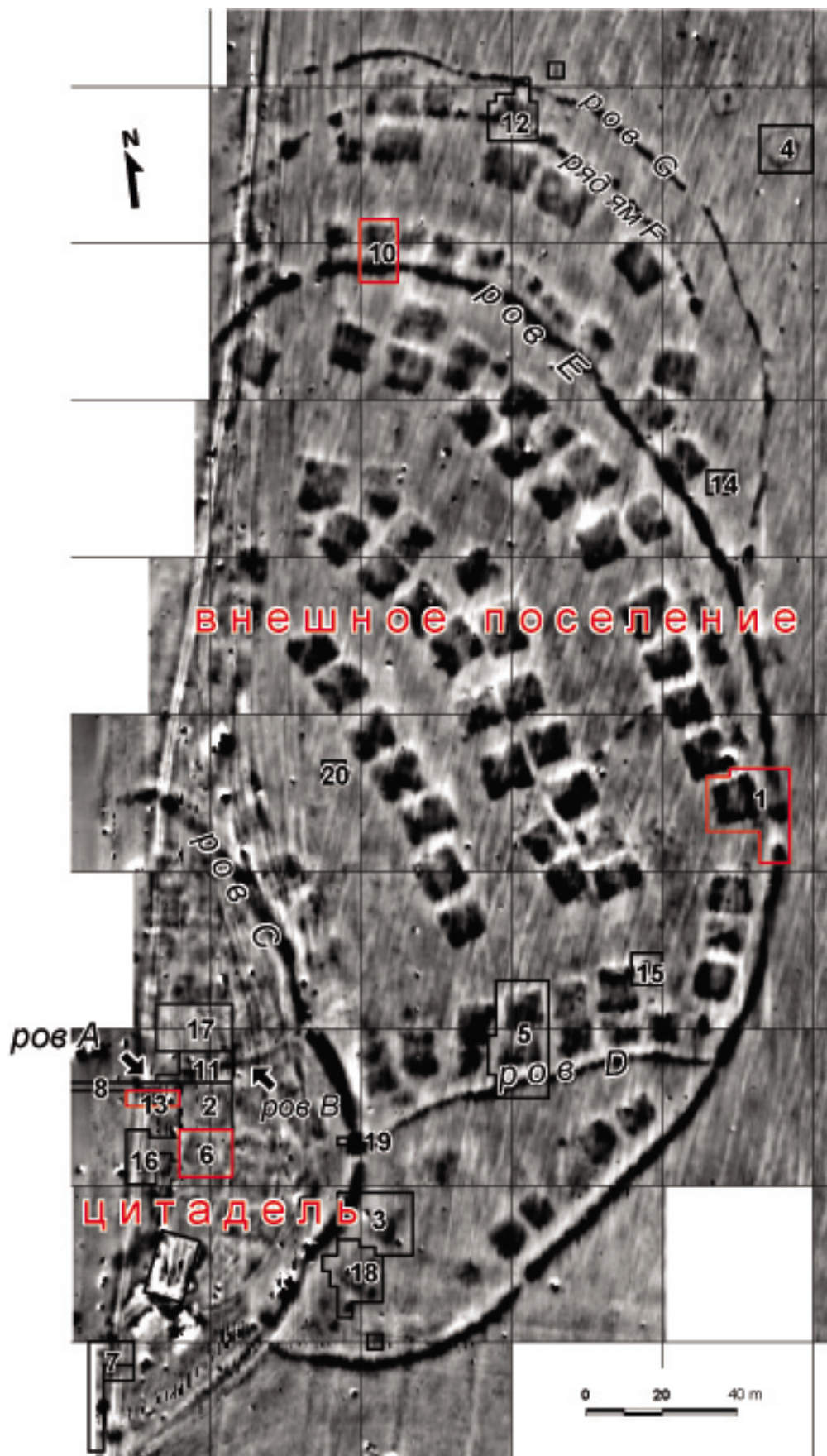

Рис. 1. Созданный на основе магнитограммы общий план поселения с обозначениями ареалов и строительных структур, а также мест раскопок в 2000–2003 гг.

находящимся в печати работам, а также к планируемой заключительной публикации.

3.1) Комплексы внутри цитадели

В пределах т.н. цитадели была раскопана территория, составляющая в общей сложности не менее 940 кв. м (рис. 2). Рисунок 2 ярко иллюстрирует, насколько тесно взаимосвязаны все фазы заселения Чичи-I. Стратиграфические данные указывают на то, что древнейшим сооружением был ров А. Он отделяет полукруглую, относительно небольшую, территорию по краю берега. Следовательно, за рвом А, в области цитадели, уже раньше находились постройки. Самые нижние слои во рву образовывались, по-видимому, постепенно, представляя собой мусор с поселения. Прокаленный слой указывает, очевидно, на некое важное событие в процессе заселения, связанное с изменением функционального назначения рва. Поверх прокаленного слоя следовал мощный, неоднородный слой заполнения, состав которого сильно перемешан. Очевидно, ров сознательно заполнялся и выравнивался. Верхние слои рва сильно гумуссированы и значительно более неоднородны, чем слой находящийся ниже. В них обнаружены обломки сосудов, как переходного периода, так и раннего железного века.

В заполнении рвов было найдено большое количество находок. Во всех слоях цитадели обнаружены антропоморфные и зооморфные глиняные фигурки и их обломки. Эти находки всегда связаны с отложениями эпохи поздней бронзы. За пределами цитадели они полностью отсутствуют. Их обширная коллекция, полученная во время раскопок, делает памятник Чича-I наиболее значимым местом находок подобного рода (Чемякина М.А., 2001, с. 19–20; Мыльникова Л.Н., Чемякина М.А., 2002, рис. 13, с. 71–73; Молодин В.И. и др., 2002, с. 389–390, рис. 3; Молодин В.И. и др., 2004, с. 282–284). Многочисленные костяные орудия, а также их заготовки и отходы производства свидетельствуют об интенсивной обработке кости и кожи. Находки глиняных грузил являются доказательствами наличия рыболовства. Многочисленную, и в то же время неясную категорию находок представляют слабообожженные глиняные шары и их фрагменты. Они относятся, также как и фигурки, к отложениям эпохи поздней бронзы. Функциональное назначение этих предметов до конца не выяснено, но есть интересные предположения (Марченко Ж.В., 2007).

Помимо рвов, на территории цитадели имеется целый ряд жилищ. Они доказывают, что цитадель была районом с плотной застройкой, с самого начала концентрирующейся за пределами рва А. Здесь найдены древнейшие следы, связанные с жильными строениями первой фазы заселения Чичи-I, относящейся к эпохе поздней бронзы. Они синхронны со рвом А.

К сожалению, из-за последующих нарушений почвы точная реконструкция этих жилищ невозможна. Наиболее выделяются полуземлянки почти квадратной формы, с длиной сторон около 8 м. Они, очевидно, относятся к последней фазе заселения эпохи поздней бронзы, или, возможно, уже к переходному периоду. Скорее всего длинные углубления ваннообразной формы на дне жилищ являются здесь наиболее древними и единственными сохранившимися остатками строений начальной фазы заселения.

Дальнейшее заселение, в рамках которого также происходила застройка обширного пространства вне цитадели, частично перекрывает места расположения старых жилищ, и, со своей стороны, перекрывается культурным слоем раннего железного века. Исходя из этого, ясно, что стратиграфическую ситуацию в раскопах на цитадели, в которых главным образом исследовались остатки жилищ, окончательно прояснить не удалось. Во время строительной деятельности было смещено из предыдущих слоев и построек значительное количество материала. По этой же причине, в большинстве случаев, хронологическая классификация слоев, основанная на находках из них, не надежна. Очевидно, что одновременно со строительством внешнего поселения застройка цитадели существенно от него не отличалась. Цитадель и внешнее поселение, по сравнению с предшествующими сооружениями позднего бронзового века, состояли из менее углубленных полуземлянок квадратной формы с более длинными сторонами (около 10 м).

3.2) Комплексы внешнего поселения

Преобладающая часть распознаваемых на магнитограмме объектов относится к застройке внешнего поселения в переходный период от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку. Их археологическое исследование на нескольких участках (рис. 1) показало, что они не только на плане выглядят довольно унифицированными, а также весьма схожи, как по материалам, так и по структуре. Расположенный в центре очаг был окружен четырьмя мощными столбами, служившими, вероятно, опорой кровли. Почти всегда в непосредственной близости от очага находились одна или две большие и достаточно глубокие ямы. Остатки бронзолитейного производства в виде капель металла и фрагментов глиняных литейных форм указывают, вероятно, на его домашний характер.

Заполнение жилищ также было однообразным. Находки, прежде всего фрагменты керамики и кости животных, концентрировались преимущественно у стен котлована жилища. Содержащий находки слой начинался по краям, непосредственно под пашней и уходил затем внутрь, до уровня пола. При этом, в центральной части жилища находки встречались редко. В целом, они интерпретируются как поселенческий мусор, и составляли, как правило, скопления материала:

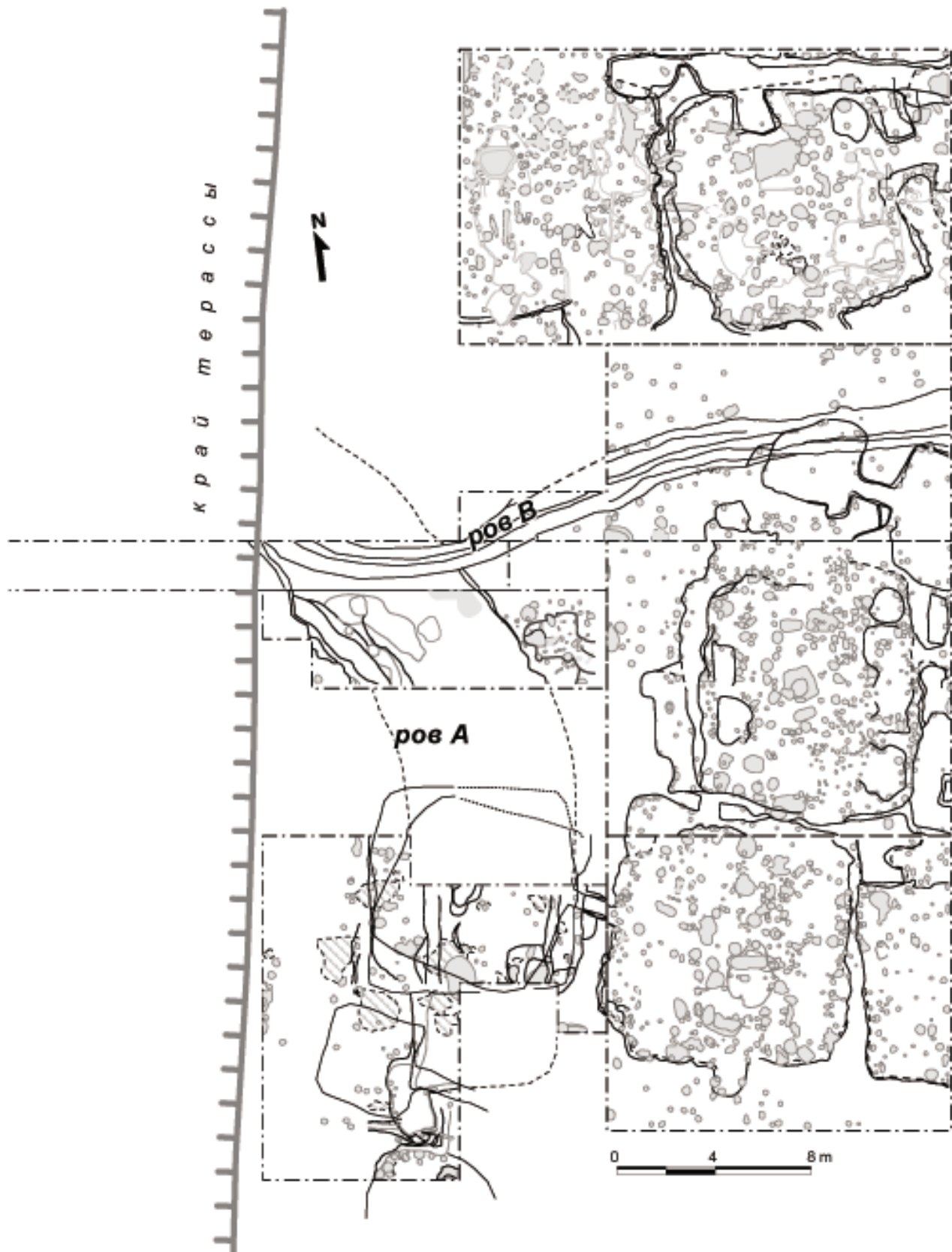

Рис. 2. Расположенные на территории цитадели, у края террасы со рвами А и В, раскопы с рядом перерезающих друг друга жилищ и многочисленными ямами всех фаз заселения

развалы сосудов, или даже мощные вымостки из фрагментов керамики, а также большое количество костей. Чаще всего, заполнение в центре котлована однородное и гумусированное, практически до самого дна нарушено плугом. Вероятно, котлованы долгое время оставались открытыми, вплоть до начала распахивания. Обязательно надо иметь в виду этот факт, анализируя керамические комплексы из жилищ.

Расстояние между жилищем и рвом составляло всего около 2 м. Здесь не сохранилось никаких следов от возвышавшегося ранее укрепления. Следовательно, нужно исходить из того, что здесь не было ни вала, ни палисада, а основным ограждением служил сам ров. Можно допустить наличие дополнительной изгороди или кустарника, которые могли бы препятствовать, например, скотокрадству, но не оставили, при этом, никаких фактических следов своего существования.

4) Хронология

В рамках проекта была определена серия из 45 радиоуглеродных дат, которая является одной из наиболее представительных как для Сибири, так и за ее пределами. Она может служить эталоном, по меньшей мере, для эпохи поздней бронзы и переходного времени к железному веку между Уралом и Южной Сибирью. Обработка этих данных требовала особенной тщательности. Для анализа привлекались разнообразные органические материалы (древесный уголь, кости животных, человеческие кости, кости рыб, нагар сосудов, органика из почв), проведением анализа занимались три разные лаборатории. Калибровка всех радиоуглеродных дат производилась унифицировано. Подробный анализ радиоуглеродных дат и комплексный стратиграфический анализ всех слоев с помощью матрицы Харриса приведены автором в другой работе (Schneeweiß, 2007).

В рамках представленной работы для принятого анализа особое значение здесь имеет базирующееся на стратиграфических наблюдениях выделение фаз. Как показывает опыт, керамические комплексы бывают «закрытыми» лишь в исключительных случаях. В серии радиоуглеродных дат выделяются несколько основных блоков, отражающих общее выделение фаз на памятнике Чича-I: фаза 1 (XIV/XIII вв. до н.э.), фаза 2 (XI/X–IX вв. до н.э.), фаза 3 (I в. до н.э. – I в. н.э.) и фаза 4 (X в. н.э.). Они надежно сходятся со стратиграфическими данными (см. Schneeweiß J., 2007, с. 25–40).

В то время как фазы 2, 3 и 4 отчетливо разделены хронологическим хиатусом, серия дат между фазами 1 и 2 показывает переходный период, охватывающий XII–XI вв. до н.э. Таким образом, только на основании серии 14C–дат невозможно решить вопрос, прекратило ли функционировать поселение между этими двумя фазами или нет. Пространственное распределение дат подтверждает, что поселение

на фазе 1 ограничивалось районом цитадели, в то время как принадлежащий ему могильник находился вне цитадели. Даты фазы 2, напротив, рассеяны по всей площади, к тому же даты этой фазы из могилы отсутствуют (см.: Schneeweiß J., 2007, рис. 17).

Начало заселения Чичи-I можно отнести к XIV в. до н.э. Оно продолжалось вплоть до XIII, а возможно – до XII вв. до н.э. В конце первой фазы поселения произошел большой пожар, о чем свидетельствуют обожженные слои внутри цитадели. Обширный жженный слой указывает на отчетливое нарушение в стратиграфии рва А. Эти наблюдения подтверждают, что с этим слоем связан конец первой фазы поселения, который наступил, пожалуй, не позднее XII, а возможно, еще в XIII веке до н.э. Впрочем, есть некоторые основания полагать, что прекращение функционирования поселения не было тотальным, так как жилище 21 в раскопе 16 было заложено спустя короткое время после пожара и связанного с ним прекращения функционирования рва А.

За пределами цитадели был обнаружен могильник. Несмотря на то, что большая часть могил здесь была разрушена грабителями или распахана, удалось исследовать несколько практически не потревоженных погребений, давших типичный для эпохи поздней бронзы погребальный обряд. Для некоторых погребений получены радиоуглеродные даты, причем, преимущественно по костям человека. Погребение на территории внешнего поселения относится к поселению фазы 1, в то время как внешнее поселение было основано значительно позже, в фазу 2. Все остальные датированные могилы также принадлежат к фазе 1, из чего следует, что и весь могильник относится к этому времени. Все имеющиеся для погребений хронологические даты лежат в пределах XIV–XIII вв. до н.э., как и даты для поселения поздней бронзы.

Поселение второй фазы строилось, частично, на месте могильника относящегося к первой фазе. Этот факт говорит о том, что к этому моменту могилы были или не видны и забыты, или же новое население не придавало им никакого значения. И то и другое может расцениваться в качестве признака наличия временного интервала между фазами 1 и 2.

Судя по 14C-датам, начало фазы 2 могло иметь место на рубеже тысячелетий. В X–IX вв. до н.э. заселена вся видимая на магнитограмме площадь памятника, включая цитадель и внешнее поселение. Примечательно, что все даты второй фазы, образцы для которых были получены из ям, относятся к X в. до н.э., в то время как даты из скоплений находок внутри жилищ указывают на IX в. до н.э. Диапазоны только двух из них включают к тому еще и VIII–VI вв. до н.э. Данные горизонтальной стратиграфии также подтверждают основное развитие городища в

рамках X–IX вв. до н.э., так как самый северный и, по данным горизонтальной стратиграфии, наиболее поздний ров G был сооружен в IX в. до н.э. Таким образом, вторая фаза заселения продолжалась, вероятно, не более 200 лет.

В любом случае, нужно исходить из того, что покинутые жилища долгое время оставались открытыми и использовались в качестве мусорных ям.

Археологические остатки фазы 3 часто углублены в более древние строительные структуры. Как правило, они оставались на поверхности, а разделение слоев было довольно затруднительным. Две пробы датируют третью фазу при 2σ рубежом эр, что позволяет с достаточной уверенностью отнести фазу 3 к этому времени.

На основании, прежде всего, типологических наблюдений, можно заключить, что Чича-I была заселена и между фазами 2 и 3. Об этом говорят находки сосудов, близких керамике большереченского или новочекинского типов. К сожалению, их невозможно однозначно связать ни с конкретными комплексами, ни с радиоуглеродными датами, так как во всех случаях речь идет о сильно перемешанном и смещенном материале. Единственное, что вышеназванные даты могут служить ссылкой тому, что здесь в середине I тыс. до н.э. еще присутствовали люди, но постройки, относящиеся к этому времени, не фиксировались. Более точная позиция этого периода в настоящее время не может быть определена, поэтому он обозначается как фаза 3а. Этап заселения, датирующийся временем рубежа эр, и относящийся, вероятно, к саргатской культуре, обозначен как фаза 3б.

5) Анализ керамики

5.1) Методика

Хотя в Западной Сибири проводились раскопки относительно многих поселений, их широкомасштабные или полностью завершённые исследования очень редки.

При этом культурная и хронологическая классификации памятников Западной Сибири основываются, в основном, на керамических комплексах, большей частью происходящих из материалов поселений. При анализе материала исследуемого здесь периода, решающими являются орнаментация, а так же частота встречаемости определенных признаков и комбинаций признаков, так как целые или полностью реконструируемые формы сосудов на поселении редки. Одним из основных препятствий для сравнительного анализа является то, что в литературе стратиграфическая оценка керамических комплексов дается только в исключительных случаях. Более того, обычно весь керамический комплекс памятника или раскопа рассматривается целиком, и, в первую очередь, ставится задача отнести его к определенной археологической культуре (или культурам).

Зачастую лишь после этого устанавливаются типологические признаки форм и орнаментации внутри комплекса. Полученные при этом типы керамики редко интерпретируются хронологически. В представленной работе, напротив, хроностратиграфия и контекст обнаружения фрагментов керамики составляют основу анализа. Многофазовый памятник Чича-I имеет хорошие предпосылки для подобной работы. Изобилие материала позволяет выделить несколько представительных керамических комплексов. Важным является возможность стратифицировать и к тому еще датировать находки при помощи имеющихся радиоуглеродных дат.

Комплекс керамических находок 2000–2003 гг., составляющий около 115.000 фрагментов, распределяется, практически равномерно, по четырем годам раскопок. Количество фрагментов венчиков достигает примерно 17.000, что составляет почти 15% от общего числа, а орнаментированных фрагментов – около 40.000, т.е. около одной трети.

Настоящий анализ базируется лишь на сравнительно небольшой выборке из всей совокупности керамического комплекса. Основу составляет керамика из раскопов 10 (внешнее поселение) и 13 (цитадель) 2002 г. (ср. рис. 1), где были обработаны фактически все керамические фрагменты. В качестве дополнения использовались и стратифицированные материалы из раскопов 1 и 6. Фрагменты венчиков, доньев и орнаментированных фрагментов тулова образуют основу данного исследования. Они анализировались с помощью единой базы данных, являющейся составной частью общей системы-GIS для ведения документации проекта, разработанной автором в сотрудничестве с Е.В. Рыбиной (г. Новосибирск) (Рыбина Е.В., Шнеевайсс Й., 2002). Определенное рассеивание и смешение артефактов в поселениях является нормальным явлением. Тем не менее, с помощью сериации проверилась корреляция между стратиграфически полученной последовательностью слоев и типологически характерными керамическими значениями. Результатом при этом была взаимная проверка типологической классификации и стратиграфии. Можно констатировать, что в общем, сериация и стратиграфия хорошо соотносятся и выбранные атрибуты имеют достаточное хронологическое значение (Schneeweiß, 2007, с. 84–86).

Различия форм «поселенческих» сосудов эпохи поздней бронзы/раннего железного века хронологически довольно незначительны. В связи с этим для хронологической и культурной классификации керамических комплексов особенно важно украшение сосудов.

Часто орнаменты разделены по зонам; по этой причине для регистрации и анализа отдельно рассматривались следующие зоны: «Венчик» (имеется в виду, как правило, место от верхнего края венчика

до образования плечиков), переход от венчика к плечу, «плечики» и «нижняя часть» тулова. На первый взгляд, керамика кажется однообразно орнаментированной, однако, при более внимательном рассмотрении обнаруживается большое разнообразие в оформлении деталей. Стандартизованных или канонизированных узоров почти нет. Это естественно затрудняет классифицирование и типологию. Чтобы решить эту дилемму без потери существенной информации, была разработана система регистрации. Орнаментация рассматривается отдельно для каждой из декоративных зон. При этом для орнаментации венчиков и плечиков применялось дополнительное деление по четырем признакам.

а) Техника нанесения орнамента

Техника, применявшаяся при орнаментации сосудов, подразделяется на восемь категорий, которые кодировались буквой Т и цифрой (рис. 3). Самые значимые – штамповая и резная техники. Штамповая техника (Т2) – это, в первую очередь, гребенчатый штамп. Она не имела большого значения на ранней фазе 1. Напротив, резная техника (Т5) явно преобладала и даже немного увеличивалась в фазе 1с. В фазе 2, напротив, резная техника практически не применялась. Лишь позже, в фазе 2b, имел место заметный подъем, который искусственно повышался на диаграмме дополнением грубых нарезов (фаза 3). Совершенно иная картина происходит с техникой штампа. Она используется, прежде всего, в фазе 2, что говорит о ее большой популярности в то время. В фазе 3 гребенчатый штамп встречается лишь эпизодически (рис. 4).

б) Отдельные элементы украшения

Здесь рассмотрены отдельные элементы, образующие в сочетании орнаментацию. Они являются основными компонентами декоративных мотивов. Элементы кодированы буквой «Е»*. Имеется большое количество отдельных элементов, но не все элементы имеют равное значение в керамическом комплексе из Чичи-1. Некоторые встречаются только в единичных случаях. Лишь 18 из общего числа элементов (n=61) превышают частоту 1%. Хронологическое значение одного отдельного элемента нельзя определять по его частоте. Часто случается, что редкие элементы имеют индикаторную значимость, в то время как частые элементы своим количеством нивелируют ясные тенденции. Поэтому важно оценивать как элементы, так и их комбинации, то есть мотивы.

в) Мотивы

Элементы обычно расположены в определенном порядке, в связи с чем имеется возможность распознавать мотивы. Кодировка мотивов двухступенчатая, а именно: мотивы первого порядка и мотивы второго порядка. Каждый орнамент состоит из различных отдельных элементов или дубликации одного элемента.

* Все элементы показаны в табл. 54 в Schneeweiß J., 2007, с. 68–70.

При этом с одной стороны, имеет значение расположение, с другой – способ комбинации элементов и их взаимная корреляция. Под мотивом первого порядка подразумевается простое расположение элементов, например, в одном ряду или их прямая комбинация в виде простого узора. В одной зоне орнаментации могут встречаться несколько подобных мотивов первого порядка. Мотив второго порядка, напротив, означает иной принцип оформления – совокупность зоны орнаментации. Одинарные ряды элементов, как мотив первого порядка, могут образовать мотив второго порядка посредством, например, дубликации. Аналогично могут образовываться мотивы первого порядка различные декоративные полосы, в то время, когда мотив второго порядка описывает повсеместное в этой зоне прикладывание этих полос. Однако, помимо мотива второго порядка, может иметь место мотив второго уровня. Мотив второго уровня отличается от мотива второго порядка тем, что он обозначает не вышестоящий принцип оформления, а лишь дополнительную орнаментацию, размещенную над орнаментацией первого порядка.

Код	Техника	Количество (n)	Процент (%)
T1	вдавление	1049	47
T2	штамповая т.	535	24
T3	втыкание, техника укола	539	24,16
T4	жемчужник	504	22,6
T5	резная т.	423	19
T6	моделирование, валик	80	3,6
T7	зарубка	1	0,04
T8	высверленное отверстие	44	2

Рис. 3. Техника орнаментации и частота ее применения (доля от общего количества сосудов)

При этом корреляция между обоими уровнями декора может быть выражена в разной степени. Например, поверхность сосуда может быть орнаментирована плоскостно горизонтальными оттисками гребенчатого штампа. Это был бы первый уровень (или первый порядок). После этого, следует вдавливание в поверхность сосуда гребенкой трех параллельных горизонтальных рядов ямочек. Эти ряды образуют здесь второй уровень. К неоднократному повторению одного и того же одинарного ряда (мотив второго порядка), можно было бы дополнительно присоединить второй уровень, если, например, над ним наколот зигзагообразный ряд из ямочек. Имеются мотивы первого порядка, второго порядка и мотивы, которые могут находиться в обеих позициях. Их можно разделить на три общие категории:

– подчеркнуто горизонтальные мотивы, визуально значительно расчленяющие поверхность сосуда (в основном ряды и ленты);

- узоры по всей поверхности;
- геометрические мотивы.

Для подробного объяснения мотивов и элементов и их кодирования см.: Schneeweiß, 2007.

Необходимо остановиться еще на одном важном моменте. Для рассматриваемого периода ти-

пичным было сооружение полуземлянок. Котлованы покинутых жилищ использовались как правило для складирования отходов и мусора. Это означает, что в полученном в жилищах инвентаре не отражаются бывшие в употреблении одновременные наборы вещей. Поэтому комплексы из полуземлянок нельзя рассматривать в качестве закрытых. В редких случаях заполнение жилища формировалось в течение нескольких столетий, без того, чтобы это нашло

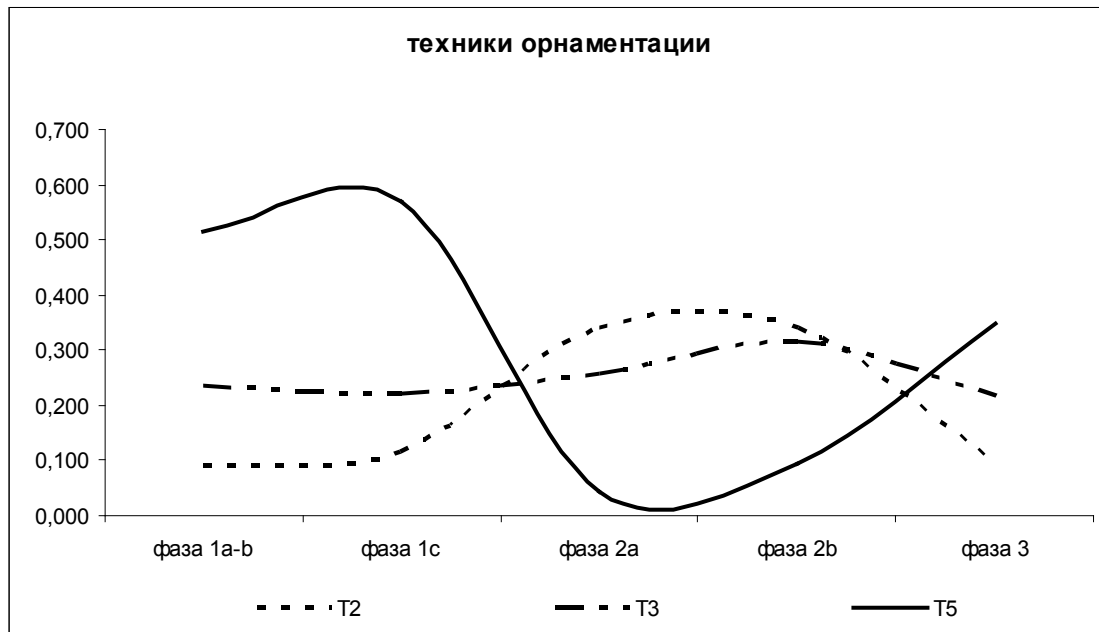

Рис. 4. Распределение относительной частоты наиболее важных техник орнаментации по фазам заселения Чичи (соответствующая доля от общего количества сосудов по фазам)

T2: оттиски штампа, T3: техника укола, T5: резная техника.

Штампованная и резная техники вместе практически не встречаются

отражение в четкой последовательности слоев. Таким образом, становится понятным, почему опубликованный инвентарь из жилищ часто носит смешанный характер. Хотя этот «феномен полуземлянки» хорошо известен*, до сих пор ему не уделялось достаточного внимания ни при полевых исследованиях, ни при анализе материалов.

5.2) Характеристика фазы 1

5.2.1) ирменский этап (фаза 1a-b)

Комплекс керамики фазы 1 a-b отличается ограниченным спектром форм сосудов, хотя по форме, размерам и украшению, они лишь незначительно отличаются от сосудов поздних фаз. Сосуды относительно тонкостенны. Чаще всего встречаются сосуды округлых форм или небольшие горшочки, причем преобладают открытые формы. К этой группе отно-

сятся и круглодонные сосуды. Самыми многочисленными являются сосуды средних размеров. Как правило, речь идет о горшках с относительно широким устьем, удлиненным, прямым или слегка изогнутым венчиком, незначительно сужающимся книзу туловом и простым плоским дном. Несколько реже встречаются раздутые формы с коротким венчиком. Число крупных сосудов невелико. Орнаментация сосудов кажется стандартизированной и имеет характерные признаки. По большей части, она выполнена в нарезной технике, иногда дополняемой углубленными элементами или жемчужинами. Геометрические мотивы стандартны. Строго соблюдены орнаменты венчика и плечиков, которые всегда разделены декоративным рядом в месте перехода от плечиков к венчику. Наиболее характерен рисунок из простых заштрихованных свисающих треугольников по венчику и/или по плечикам; иногда по плечикам имеется орнамент из нескольких рядов треугольников. Также часто встречается орнамент из рядов жемчужин по венчику,

* Уже М.П. Грязнов (1956б, с. 53) выявил многослойность заполнения котлованов жилищ. Подробнее см.: Матвеев А., 1993, с. 85f.

в месте перехода от плечика к венчику, несколько реже – по плечикам. Орнамент по венчику или в месте перехода к плечикам может также комбинироваться с другими элементами. Причем, наиболее часто он сочетается с чередующимися рядами треугольных отпечатков лопаточки. Характерным является также мотив зигзага, состоящий из лент «лесенки». Также встречаются простые горизонтальные ряды и полосы; особенно по плечикам, в верхней части имеются ряды насечек или заштрихованные ленты. Часто между венчиком и плечиками или по плечикам проходит валик, выделенный, как правило, незначительно. Среди отдельных элементов, наряду с врезанными линиями, типичны уже упомянутые отпечатки лопаточки, а также «лежащие» дугообразные отпечатки или же отпечатки в виде запятой. Они встречаются практически исключительно в фазе 1.

Нижняя часть тулова всегда неорнаментирована. Часто на фрагментах сосудов имеются следы заглаживания, иногда они залощены. Признак, который чаще встречается в керамическом комплексе фазы 1 a-b, в отличие от других – это украшение внутренней поверхности верхней части венчика рядом насечек.

5.2.2) позднейрменский этап (фаза 1c)

Керамический комплекс фазы 1c теснейшим образом связан с предшествующим комплексом. Их общие характерные черты идентичны, тем не менее, имеется ряд различий. По сравнению с предыдущим этапом сейчас можно констатировать большую вариабельность форм и размеров сосудов. Немногочисленны, но очень характерны по манере оформления, формы раздутых венчиков. Они появляются здесь впервые. Формы сосудов, в основном, остаются неизменными, и основные типы орнаментации все еще сильно связаны с предшествующими. Однако теперь они видоизменяются. Относительно застывшие схемы орнаментации этапа 1a-b теряют свое значение. По-прежнему, преобладает нарезная техника: ее доля даже слегка возрастает. Почти также увеличивается доля декоративных элементов в виде оттиска штампов. Также усиливается значение валика или утолщения, что становится типичным признаком. Как и ранее, часто встречаются треугольные отпечатки лопаточки, в том числе и в комбинации с жемчужинами. Особенно типичным для этого этапа является комбинированный ряд насечек и жемчужин, который раньше встречался лишь спорадически. Здесь он становится сначала довольно частым, а затем исчезает. Удвоенный ряд на венчике и в месте перехода от плечиков к венчику или немного ниже не выходит за рамки этапа 1c. Большинство других признаков этого этапа характерны и для предыдущих, однако различна степень их проявления. Так, например, число неорнаментированных венчиков уменьшается. Кроме того, они теперь чаще ук-

рашаются сеткой. Число ромбов на венчиках увеличивается; ряды жемчужин по плечикам, напротив, встречаются реже. Встречаются вырезанные по венчику или по плечикам мотивы в виде елочных веток. Елочный орнамент приобретает большее значение.

5.3) Характеристика фазы 2

Керамический комплекс этапа 2a невелик. По сравнению с керамикой предшествующей фазы он своеобразен и четко отличается от нее. Он не имеет однозначной связи с комплексом фазы 1. В целом сосуды, как правило, простые, слабо профилированы, с коротким венчиком и, вероятно, с плоским дном. Керамический комплекс этапа 2b представляет собой развитие комплекса предшествующего этапа. Наблюдается сравнительно большое разнообразие форм, появляются новые формы. С другой стороны, вариабельность форм сочетается с дальнейшим обеднением и огрубением орнаментации. На этом этапе появляется иная изменчивость форм, так как, например, наряду с простыми и лишь незначительно профилированными формами, проявляются и сужающиеся закрытые или четко профилированные, причем все они не являются редкими. Разумеется, что это наблюдается преимущественно у сосудов среднего размера, которые составляют более половины всех форм.

Довольно сложно коротко охарактеризовать орнаментацию сосудов рассматриваемой фазы. Важным признаком этого комплекса является большая вариативность. Для сосудов обоих этапов характерны следующие принципиальные признаки. Прежде всего, их характерной особенностью является техника нанесения орнамента при помощи гребенчатого штампа. Нарезная же техника больше не применяется. Техника нанесения орнамента при помощи гребенчатого штампа наблюдается приблизительно на одной трети фрагментов; гораздо чаще – практически в 2/3 случаев – встречаются оттиски, прежде всего, насечки. Ряды насечек является доминирующим мотивом первого порядка в фазе 2: по плечикам четверти всех сосудов нанесены один или несколько таких рядов. Основным мотивом является одинарный ряд, который характерен почти для половины всех фрагментов сосудов фазы 2.

Относительно принципов создания мотивов второго порядка можно констатировать следующее. Почти на каждом шестом сосуде неоднократно повторяются одинарные ряды; почти на каждом десятом повторяющиеся ряды дополнены другими элементами, в большинстве случаев ямочками, нанесенными между рядами или углубленными в них. Сами насечки различаются по форме и могут быть очень крупными (длиной до 2,5 см); в большинстве случаев они не нарезаны, а отпечатаны и имеют прямоугольную форму. Еще более важным мотивом второго порядка является украшение всей поверхности сосудов отдельными

элементами. Они встречаются, по крайней мере, на четверти (этап 2a) и, соответственно, на пятой части (этап 2b) сосудов. При этом почти всегда речь идет об орнаментации поверхности сосудов оттисками гребенчатого штампа. Этот декор, как и повторяющиеся одинарные ряды, дополняется разнообразными оттиснутыми или наколотыми элементами. Наиболее часто встречаются ямочки, преимущественно образующие ряды, но имеются также и другие элементы. Их разнообразие отражает склонность к импровизации при изготовлении, что можно считать типичным для этой фазы. Очевидно, что для украшения сосудов использовались предметы, бывшие под рукой: палочки, стебельки, косточки. Характерными являются также пары диагонально расположенных ямочек, которые, в свою очередь, могут образовывать ряды или же смещенные ряды, состоящие из пар ямочек. Другим мотивом, родственным ямочкам, являются удлинено-овальные наклонные оттиски, получающиеся при проведении маленькой палочкой по еще невысохшей поверхности сосуда с разной степенью нажима («отступающей палочкой»). Также характерными и визуально похожими на предыдущие являются диагональные пары ямочек, связанные с разнообразными оттисками.

Наиболее существенное различие между принципами орнаментации сосудов фазы 1 и фазы 2 может быть охарактеризовано следующим образом. Декор сосудов фазы 1 составляет ограниченный набор довольно схематичных мотивов; основными являются при этом простые геометрические, дополненные различными элементами. Строго соблюдаются зоны орнаментации: венчик – место перехода к плечикам – плечики. Комбинации элементов составлялись на основе «параллельного расположения», т.е. они не пересекались. Все элементы орнаментации подчинялись принципу горизонтального членения – ряды насечек, елочные и сетчатые мотивы. Даже при отсутствии геометрических мотивов осуществлялось членение на зоны; ряды и ленты всегда кругообразно покрывали поверхность сосудов и в какой-то степени зависели от их форм. Орнаментация сосудов фазы 2, напротив, основана на принципиально новом восприятии сосуда; сейчас интерес представляет в первую очередь, его поверхность в целом. Даже такой типичный орнамент, как дублирование одинарных рядов, часто не делит сосуд по горизонтали. Очень часто ряды даже не охватывают сосуд полностью, регулярны вертикальные разрывы по причине оставленных неорнаментированными участков полос; либо же ряды изгибаются, пересекаются, проходят параллельно друг к другу. Если сосуд украшался елочным орнаментом и гребенчатым штампом, то, в первую очередь, покрывалась его поверхность. Впрочем, для сосудов фазы 1 также имеются примеры плотного заполнения поверхности: правда, в таких случа-

ях орнамент из плотно примыкающих друг к другу декоративных лент, как правило, нанесен изящно и аккуратно, в четком соотношении с формой сосуда. В фазе 2 поверхность сосудов, напротив, заполняется полностью. Дополнительные элементы, в основном ряды ямочек, больше не расчленяют поверхность сосуда и часто проходят во всех направлениях.

б) Культурная принадлежность поселения Чичи-1

В начале исследования была осуществлена дифференциация керамического комплекса Чичи-1. Итоги классификации керамического комплекса Чичи-1 показаны в схематичной форме на рисунке 5, причем, главным здесь было показать примерное относительно-хронологическое соотношение отдельных культурных явлений с фазами заселения Чичи-1.

Как уже упоминалось, первая фаза заселения Чичи-1 соотносится с относительно хорошо изученной ирменской культурой. По конкретным деталям сосуда этой фазы сопоставимы с ирменской керамикой. Монография А.В. Матвеева по ирменской культуре лесостепного Приобья, предлагает возможность для сравнения комплексов. Автор в ней провел статистическое сравнение керамических комплексов различных памятников ирменского этапа. На основе характерных признаков орнаментации он разработал попарное сопоставление памятников по значениям доверительных интервалов каждого из признаков. В результате была получена матрица, в которой сводились средние значения коэффициента сходства между двумя памятниками. Этот коэффициент отражает не просто наличие того или иного признака, а имеет четко определенное отношение к его частоте. Свою расчетную базу А.В. Матвеев представил ясно и сжато. Таким образом, у нас имеется возможность соотнести керамический комплекс Чичи с результатами, полученными А.В. Матвеевым, и включить его в предложенную им матрицу. Расчет происходил на основании признаков, заданных А.В. Матвеевым (Матвеев А.В., 1993, табл. X). Результаты этого представлены в форме матрицы на рисунке 6. График наиболее значимых связей между памятниками ирменского этапа представлен на рисунке 7.

Очевидно, что керамический комплекс фазы 1a-b из Чичи-1 удивительно хорошо вписывается в ряд ирменских памятников Новосибирского Приобья. По сравнению с комплексами из Ирмени-1 и Быстровки-4 коэффициент сходства достигает здесь значения около 0,6 и выше. Только два раза значение Чичи-1 ниже 0,5 – никакой другой комплекс не дает такого высокого среднего значения. В самой нижней строке матрицы приводится соотношение с фазой 2 Чичи-1. Видно, что фаза 1a-b имеет большее сходство с ирменскими комплексами Приобья, чем с фазой 2 Чичи-1.

Следовательно, не может быть сомнений в том, что фаза 1a-b Чичи-1 соответствует ирменскому этапу

Рис. 5. Схематичное изображение фаз заселения Чичи в соотношении с культурами позднего бронзового и раннего железного веков Западной Сибири

Памятник	Батурино-1	Быстровка-4	Ирмень-1	Красный Яр-1	Улыбино	Умна-1	Чучка-7	Чича-1.1
Батурино-1	–	0,32	0,38	0,35	0,35	0,31	0,36	0,54
Быстровка-4	0,32	–	0,32	0,19	0,47	0,19	0,46	0,60
Ирмень-1	0,38	0,32	–	0,37	0,47	0,29	0,64	0,63
Красный Яр-1	0,35	0,19	0,37	–	0,55	0,51	0,56	0,54
Улыбино	0,35	0,47	0,47	0,55	–	0,39	0,38	0,36
Умна-1	0,31	0,19	0,29	0,51	0,39	–	0,45	0,5
Чучка-7	0,36	0,46	0,64	0,56	0,38	0,45	–	0,46
Чича-1.1	0,54	0,60	0,63	0,54	0,36	0,5	0,46	–
Чича-1.2	0,26	0,33	0,35	0,38	0,22	0,42	0,33	0,54

Рис. 6. Матрица коэффициентов сходства памятников ирменского этапа (по: Матвеев 1993) с положением фазы 1a-b (Чича 1.1) и фазы 2 (Чича 1.2) городища Чича

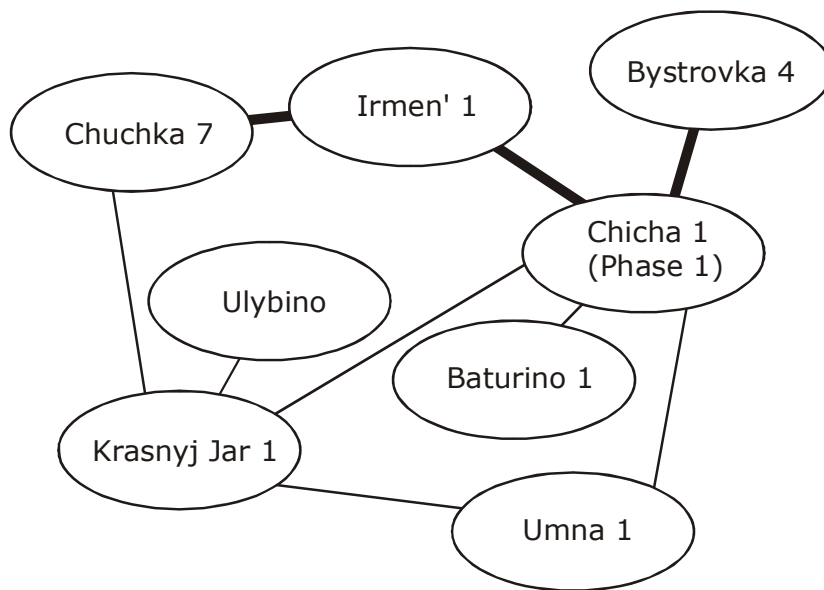

Рис. 7. Положение керамического комплекса фазы 1 a-b из Чичи в соотношении с синхронными комплексами из лесостепной зоны Приобья, на основании их коэффициентов сходства. Утолщенные линии соответствуют коэффициентам $f \geq 0,6$, тонкие линии соответствуют $0,5 \leq f < 0,6$ (ср. рис. 6)

ирменской культуры по Матвееву. Памятник Чича-I известен в литературе как один из важнейших памятников позднеирменского этапа ирменской культуры. Характерные признаки позднеирменского этапа совпадают по большей части с теми, которые установлены для фазы 1с. Типичным оказался комбинированный ряд из жемчужин и вертикальных насечек, прежде всего их удвоение по венчику и в месте перехода от венчика к плечикам (см. выше). На рисунке 8 в виде диаграммы показано, каким образом распределяются частоты встречаемости этих признаков по обоим основным фазам заселения Чичи-I. При этом отчетливо выявляются некоторые закономерности: частота сетчатой ленты на венчиках сосудов повышается, по сравнению с фазой 1a-b, более чем в два раза: каждый пятый венчик сосуда фазы 1с имеет подобный орнамент. По плечикам, напротив, частота этой орнаментации даже снижается. Значительно наличие простых жемчужин в фазе 1a-b и заметно

возрастает в фазе 1с. Однако, наиболее явно отличия проявляются в характерных позднеирменских признаках: комбинированные ряды М2.2* и их удвоения. Подобные ряды редко встречаются уже в фазе 1a-b, а в фазе 1с их наличие возрастает приблизительно в 3,5 раза. Отчетливо проявляется также значимость признака удвоенного комбинированного ряда. Его наличие ограничено исключительно фазой 1с. Все рассмотренные здесь признаки и комбинации признаков не имеют существенной частоты в фазе 2; малая частота их появления в фазе 2b может объясняться, вероятно, перемещением фрагментов. Значительное проявление этих признаков в фазе 1a-b показывает, напротив, тесную связь обеих фаз, которые, должны интерпретироваться как два следующих друг за другом этапа одной археологической культуры.

* Комбинированный ряд из чередующихся групп вертикальных насечек и жемчужин.

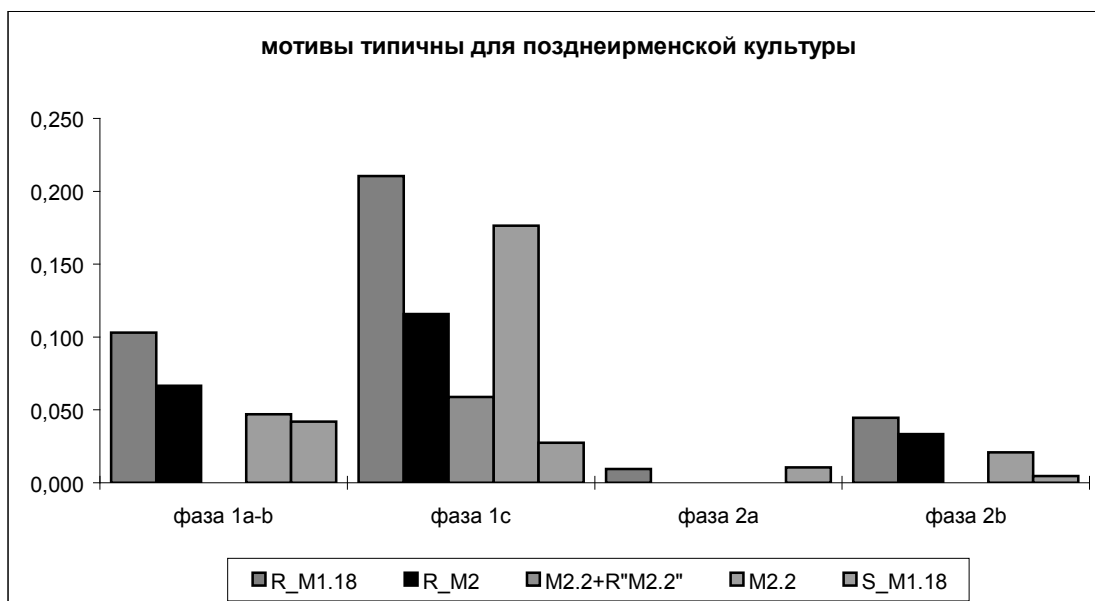

Рис. 8. По фазам заселения Чичи показаны относительные частоты нескольких элементов орнамента, считающиеся типичными для позднеирменского этапа ирменской культуры. R_M1.18: сетчатая лента на венчике, R_M2: одинарный ряд из двух различных чередующихся элементов на венчике, M2.2+R«M2.2»: удвоение комбинированного ряда из чередующихся жемчужин и вертикальных насечек (под срезом венчика и в месте перехода от венчика к плечикам), M2.2: комбинированный ряд из жемчужин и вертикальных насечек, S_M1.18: сетчатая лента на плечиках. Очевидно, что фазу 1с можно связывать с поздним этапом ирменской культуры, и сама она является ее этапом (а не самостоятельной культурой)

В итоге можно констатировать, что фаза 1a-b, в течение которой началось заселение Чичи-I, может быть отнесена к ирменскому этапу ирменской культуры, распространенной на всей лесостепной территории междуречья Оби и Иртыша. Заселение продолжалось – фаза 1с соответствует, по своему характеру, последнему этапу ирменской культуры – позднеирменскому. Фрагменты с признаками, типичными для других одно-временных культур, как например сузгунские, являются исключениями (< 1%). Они отражают связи между лесостепными культурами эпохи поздней бронзы.

Сходство между комплексом фазы 2 и ирменскими комплексами незначительно (рис. 6). Это неудивительно, так как речь уже шла о значительных различиях между обеими фазами. Существуют четкие параллели между различными данными фазы 2 из Чичи-I и памятниками красноозерской культуры (расположение, размер, планировка и т.п.). Примером может служить сравнение памятника Чича-1 с памятником Инберень-6, которое показано на рис. 9. Стоит обратить внимание на характерные черты оформления керамики. К сожалению, публикации материалов красноозерской культуры не дают здесь таких возможностей для сравнения, как для ирменской культуры. Тем не менее, даже на имеющейся базе можно сделать определенные выводы. Самые важные комплексы красноозерской культуры расположены на Иртыше – это поселение Инберень-5,

городища Инберень-7 и Инберень-6, они следуют друг за другом в хронологическом порядке*.

В самом раннем из трех красноозерских комплексов, Инберень-5, характерными были выпуклые (или дугообразно выгнутые наружу) венчики (73%) и широкогорлые раздутые горшки. Узоры нанесены густо и разделены на зоны горизонтальными рядами ямок или прочерченными линиями; часто применялся крестовый штамп (16%). В фазе 2 единично встречаются подобные сосуды, однако, они не могут быть названы типичными ни для одной из фаз. Их спорадическое появление ограничивалось, видимо, фазой 2а. Уже рассмотренная, очень характерная техника «отступающей палочки» применялась в Инберень-5 с частотой 6%, в фазе 2а частота применения этой техники достигала 5,2%. Орнаментация в среднем комплексе Инберень-7 состояла, главным образом, из нескольких повторяющихся рядов, которые дополнялись и разделялись горизонтальными линиями и рядами ямок. В них можно распознать нами выделенные мотивы М5 и М6, которые определены как характерные для фазы 2 (Schneeweiß, 2007, с. 92). Нередка комбинация ямочных вдавлений, геометрические мотивы в основном отсутствуют, в общем, преобладают воткнутые и вдавленные орнаменты. Крестовый штамп встречается здесь реже.

* Здесь и в дальнейшем см.: Абрамова/Стефанов, 1985.

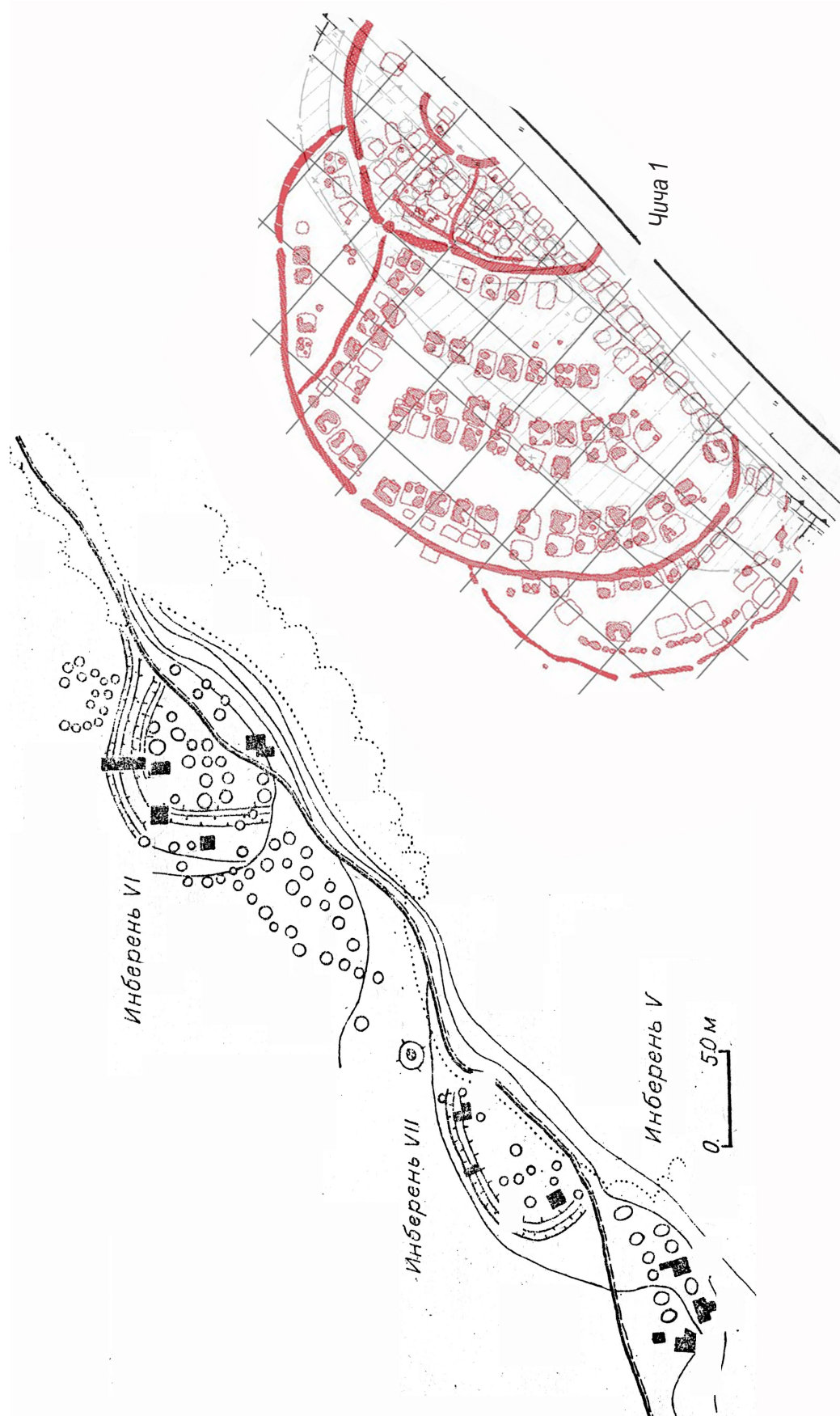

Рис. 9. Планы памятников Инберень 5, 6, 7 и Чича 1 в едином масштабе. Очевидно хорошее сходство планиграфии и местоположения поселений

В то время как керамические комплексы Инберень-5 и -7 отличаются друг от друга незначительно, самый поздний комплекс из Инберень-6 отличается от них, прежде всего, своим многообразием. Изменчивость форм сосудов здесь отчетливо возрастает. Именно это и является характерной чертой комплекса фазы 2b. Диапазон вариабельности в обоих случаях наибольший. В орнаментации также обнаруживаются явные параллели. Чаще всего встречаются ряды крупных наклонных насечек, часто образующих елочный орнамент или зигзаги, а также парные ямочки. По-прежнему, незначительно преобладает доля воткнутого или вдавленного орнамента, но орнаментация гребенчатым штампом встречается почти на одной четверти сосудов. Возрастает удельный вес волнообразного штампа («змейки»), в то время как уменьшается доля крестового штампа и прочерчивания.

Рисунок 10 в виде диаграммы еще раз поясняет, каким образом распределяются по фазам относительные частоты элементов и мотивов, которые можно рассматривать как типично красноозерские. Бросается в глаза, что техника гребенчатого штампа (T2) значительно возрастает, она встречается в фазе 2

чаще, чем на одной трети сосудов. В Инберень-6 – на одной четверти. Вдавленные один в другой комбинирующиеся мотивы (M3) встречаются чаще уже с фазы 1c, и имеются во всей фазе 2. Пары ямок часто встречаются в обеих фазах (2a и 2b), между тем, их доля возрастает в фазе 2b, в то время как ряды ямок (M1.9) являются характерными для фазы 2a. Группа узоров, состоящая из комбинированных ямок, включая технику «отступающей палочки» (E15), присутствует, главным образом, в фазе 2a, затем ее доля уменьшается в фазе 2b; волнообразный штамп «змейка» (E5), напротив, незначительно возрастает и в фазе 2b. Орнаментация горизонтальными рядами (M5 и M6) часто встречается уже в фазе 2a, затем, в фазе 2b, становится более редкой. По нашему мнению, из всего этого следует, что фазу 2 можно соотносить скорее всего с красноозерской культурой. И, несмотря на то, что возможности детального сравнения ограничены, ясно следующее: фаза 2a наступает в конце существования поселения Инберень-5 и продолжается параллельно с Инберень-7, в то время, как фаза 2b, скорее всего, соответствует комплексу памятника Инберень-6.

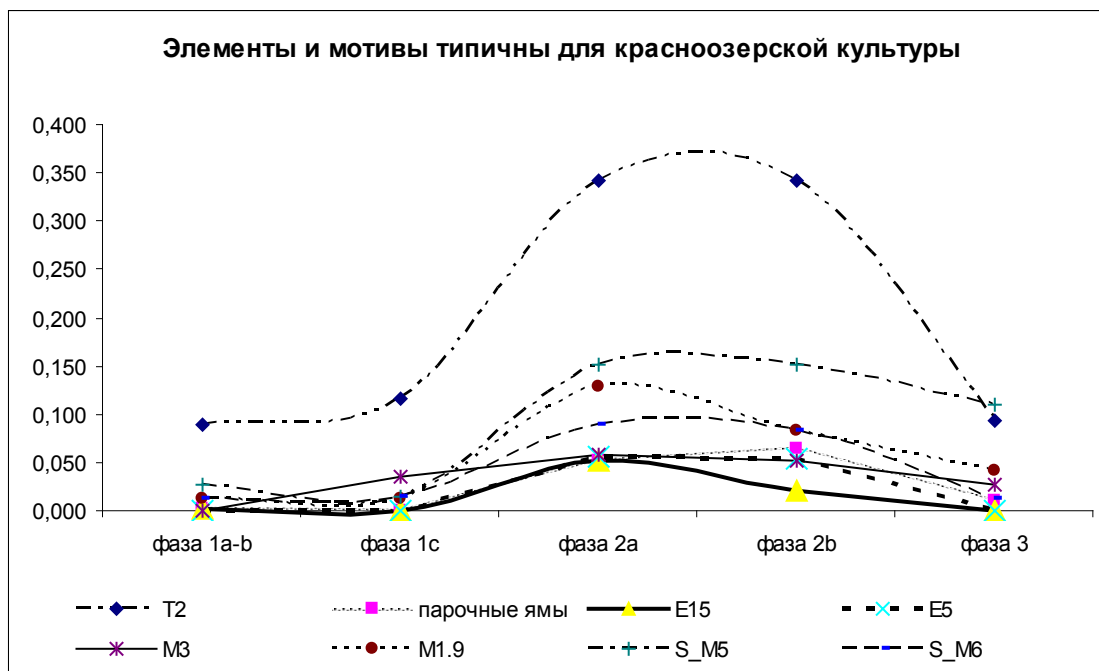

Рис. 10. По фазам заселения Чичи показаны относительные частоты нескольких элементов, техник и мотивов, считающихся типичными для красноозерской культуры

T2: техника гребенчатого штампа, E15: взаимно проникающие комбинированные ямочные узоры (элементы), E5: волнообразный зубчатый штамп, M3: взаимно проникающие комбинированные мотивы, M1.9: ряды ямочек, S_M5: повторение нескольких одинаковых рядов на плечиках, S_M6: повторение нескольких одинаковых рядов на плечиках с дополнительными элементами в промежутках или на втором уровне. Характеристика кривой позволяет сравнить фазу 2 городища Чича с памятниками красноозерской культуры Инберень V–VII

Нет сомнений в культурной принадлежности фазы 3b к среднесаргатской культуре, так как у нас имеются некоторые типичные сосуды. Зачастую они находятся в виде развала на полу котлованов жилищ.

Сосуды, считающиеся типичными для новочекинской культуры, находились рядом с ними, т.е. их можно рассматривать как одновременные. Напротив, невозможно однозначно дать хронологическое опре-

деление фрагментов сосудов с одной стороны, напоминающих сосуды каменной культуры, а с другой стороны, возможно, принадлежащих к большереченской культуре переходного времени. К сожалению, эти находки нельзя достоверно связать ни с определенными слоями, ни с радиоуглеродными датами, так как речь в данном случае идет о сильно перемешанном материале. Они соотносятся с сильно перемешанными слоями фазы 3а, которые, вероятно, могли отложиться в процессе заселения, относительно короткого по времени и ограниченного территориально в середине I тысячелетия до н.э. Абсолютная хронология этого заселения в настоящий момент не может быть определена более точно.

7) Заключение и дальнейшие выводы

Таким образом, исходя из выше сказанного, можно сделать следующие предположения. В XIV–XIII вв. до н.э. носители ирменской культуры заселились на краю террасы. Они жили в небольшом поселении площадью 0,75 га в течение около 200 лет и хоронили своих родственников на большом могильнике рядом с поселением. Также существовали особо тесные связи в восточном и юго-восточном (Приобье), и в западном направлениях (сузгунская керамика). После завершения позднеирменского этапа поселение было покинуто на некоторое время.

В переходном периоде, точнее в X в. до н.э., на том же месте началось строительство крупного поселения с «протогородской» планировкой размером до 4,7 га, окруженного рвом. Планировка и размер являются самыми яркими признаками города. Погребения этого поселения отсутствуют, исключени-

ями являются погребения младенцев в жилищах. Керамический материал показывает тесные связи в первую очередь с западными (Прииртышье) и северными регионами. Это поселение, видимо, было покинуто еще в IX в. до н.э.

Вероятно, что после фазы 2, может быть в середине I тыс. до н.э., на этом же месте было заселение. На это показывают находки керамики другого типа, которые напоминают сосуды каменной культуры или большереченской культуры. К сожалению, не удалось их связать с однозначным контекстом. В серии радиоуглеродных дат эта фаза заселения также не отражается, с исключением, может быть, двух дат с большими диапазонами, которые охватывают и IX, и VI вв. до н.э.

Вероятнее всего, поселение фазы 2 построено здесь новым населением, которое пришло сюда из таежных зон севера или северо-запада. Этот процесс можно объяснить отчасти изменением климата, которое произошло в начале I тыс. до н.э., как раз накануне железного века. Климат стал более влажным и холодным. В итоге граница и таежной зоны и лесостепи сдвинулась на юг, а вместе с ними, видимо, также передвигалось живущее население. Примерно, в то же самое время на юге Сибири и в Туве появляются первые ранние кочевники. Все эти изменения происходили, скорее всего, не всегда мирно, о чем говорят нам возникновение городищ именно в это время. Кажется разумным связывать более позднее заселение (фаза 3а) с появлением кочевников, хотя более точные выводы сделать на имеющейся базе еще невозможно.

Литература

Марченко Ж.В., Глиняные «шары» городища Чича-1: контексты нахождения и проблема функциональной интерпретации // Северная Евразия в Антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. том I, Иркутск, 2007, с. 399–411.

Молодин и др. 1999:

В.И. Молодин/Г. Парцингер/Х. Бекер/Й. Фассбиндер/М.А. Чемякина/А. Наглер/Р. Нииф/О.И. Новикова/А.К. Манштейн / Ю.Н. Гаркуша/А.Е. Гришин/Н.С. Ефремова, Археолого-геофизические исследования Российско-Германской экспедиции в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 5, 1999, с. 454–461.

Молодин и др. 2000а:

В.И. Молодин/Г. Парцингер/Ю.Н. Гаркуша/Й. Шнеевайсс/О.И. Новикова/А.Е. Гришин/Н.С. Ефремова/М.А. Чемякина, Памятник Чича-1: первые итоги полевых исследований 2000 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 6, 2000, с. 350–357.

Молодин и др. 2000б:

В.И. Молодин/А.В. Новиков/О.В. Софеев, Археологические памятники Здвинского района Новосибирской области. Новосибирск, 2000.

Молодин и др. 2001а:

В.И. Молодин/Г. Парцингер/Ю.Н. Гаркуша/Й. Шнеевайсс /А.Е. Гришин/О.И. Новикова/Н.С. Ефремова/М.А. Чемякина/ Л.Н. Мыльникова/С.К. Васильев/Г. Беккер/Й. Фассбиндер/А.К. Манштейн/П.Г. Дядьков. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Первые результаты исследований, MAS 1. Новосибирск, 2001.

Молодин и др. 2001б:

В.И. Молодин/Г. Парцингер/Ю.Н. Гаркуша/ Й. Шнеевайсс / А.Е. Гришин/О.И. Новикова/Н.С. Ефремова/Ж.В. Марченко/ Л.Н. Мыльникова/М.А. Чемякина/Е.В. Рыбина, Исследования городища Чича-1 в 2001 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 7, 2001, с. 382–390.

Molodin и др. 2001:

V.I. Molodin/H. Parzinger/Y.N. Garkusha/J. Schneeweiss/H. Becker/ J. Fassbinder/M.A. Chemiakina/A.E. Grishin/O.I. Novikova/N.S. Efremova/A.K. Manstein/P.G. Diadkov/S.K. Vasiliev/L.N. Mylnikova/E.V. Balkov, Archaeological and Geophysical Investigations carried out by the joint Russian-German Expedition at the Bronze/Iron Age settlement of Chicha in the Baraba Steppe. Preliminary results // Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia 3, 2001, с. 104–127.

Molodin и др. 2002:

V.I. Molodin/H. Parzinger/J. Schneeweiss/J.N. Garkuša/A.E. Grišin/O.I. Novikova/ N.S. Efremova/ Ž.V. Marčenko/M.A. Chemiakina/

L.N. Myl'nikova/H. Becker/J. Fassbinder, Čiča – eine befestigte Ansiedlung der Übergangsperiode von der Spätbronze- zur Früheisenzeit in der Barabinsker Waldsteppe. Vorbericht der Kampagnen 1999–2001 // *Eurasia Antiqua* 8, 2002, с. 185–236.

Молодин и др. 2002, Результаты полевых ... // *Проблемы и ...* Новосибирск, 2002, том VII, с. 386–395.

Молодин и др. 2003:

В.И. Молодин/Г. Парцингер/А.Е. Гришин/Ж.В. Марченко/Й. Шнеевайс/О.И. Новикова/Н.С. Ефремова, Пространственно-временная динамика городища Чича-1: анализ стратегий и планировки // *Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири I*, Барнаул, 2003, с. 316–322.

Молодин и др. 2004:

В.И. Молодин/Г. Парцингер/Ю.Н. Гаркуша/Й. Шнеевайс/А.Е. Гришин/О.И. Новикова/Н.С. Ефремова/Ж.В. Марченко/А.П. Овчаренко/М.А. Чемякина/Е.В. Рыбина/Л.Н. Мильникова/С.К. Васильев/Н. Бенеке, Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской Лесостепи. Том 2, MAS 4. Novosibirsk–Berlin, 2004.

Парцингер и др. 1999:

Г. Парцингер/В.И. Молодин/О.И. Новикова/А. Наглер/М.А. Чемякина/Ю.Н. Гаркуша/А. Е. Гришин/Н.С. Ефремова, Первые раскопки на городище Чича-1 // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. 5, 1999, с. 487–490.

Молодин В.И., Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985.

Мильникова Л.Н., Чемякина М.А. 2002:

Л.Н. Мильникова/М.А. Чемякина, Традиции и новации в гончарстве древних племен Барабы (по материалам поселенческого комплекса Омь-1), MAS 2 (Новосибирск, 2002).

М.А. Чемякина, Керамические изделия эпохи поздней бронзы – раннего железа лесостепного Обь-Иртышья как источник палеоэкономических реконструкций (по материалам многослойного поселения Омь-1), Автореф. дис. на соискание ученой степени к.и.н. (Новосибирск, 2001).

Рыбина Е.В., Шнеевайс Й.:

Е.В. Рыбина/Й. Шнеевайс, Использование ГИС-Технологии в археологических исследованиях (на примере памятника Чича-1) // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий* 8, 2002, с. 429–435.

Софеев/Колонцов 1987:

Софеев О.В., Колонцов С.В., К вопросу о происхождении «позднеирменских» типов керамики городища Чича-1 // *Проблемы археологии степной Евразии* 1, Кемерово 1987, с. 111–113

Becker/Fassbinder 1999:

H. Becker/J.W.E. Fassbinder, Magnetometry of a Scythian Settlement in Siberia near Cich in the Baraba Steppe // J. W. E. Fassbinder/W. E. Irlinger (Hrsg.), *Archaeological Prospection. Third International Conference on Archaeological Prospection. Arbeitsh. Bayer. Landesamt f. Denkmalpflege* 108 (München 1999) с. 168–172.

Privat и др. 2005:

Privat K., Schneeweiß J., Benecke N., Vasil'ev S. K., O'Connell T., Hedges R., Craig O., Economy and diet at the Late Bronze Age – Iron Age site of Cica: Artefactual, archaeozoological and biochemical analyses // *Eurasia Antiqua* 11, 2005, с. 419–448.

Schneeweiß 2007:

Schneeweiß J., Die Siedlung Čiča in der westsibirischen Waldsteppe I. Untersuchungen zur spätbronze-bis früheisenzeitlichen Keramik, Chronologie und kulturellen Stellung, *Archäologie in Eurasien* 22, Mainz 2007.